

ЗАПАХ ЗВЕРИНОГО СТРАХА

ЛИНА ВЕЙ

4Б
1-й ПОДЪЕЗД

Лина Вей

Запах звериного страха

<https://litres.ru/74141477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корпус 4Б давно стал городской легендой: о нём шепчутся вполголоса, его обходят стороной, а рабочие раз за разом отказываются заканчивать обследование. Говорят, в шахте лифта прячется логово гиен — диких, безжалостных, будто утративших всякий страх перед человеком. Но правда куда страшнее слухов.

Для Ани корпус 4Б — не просто мрачное здание с облупившейся краской и тёмными окнами. Это ловушка, из которой она должна любой ценой вытащить сына Мишу. Когда лифт сам вызывает себя на этаж, а из шахты тянет холодом и запахом сырости и звериной ярости, становится ясно: дом живёт своей жизнью — и он помнит каждого, кто когда-либо в него входил.

Это напряжённый психологический хоррор, где страх прячется в обыденном: в звуке прибытия кабины, в мигании лампочки, в тени, которая чуть длиннее, чем должна быть. История о материнской любви, которая сильнее ужаса, и о том, что иногда самое страшное зло не рычит и не бросается из темноты — оно терпеливо ждёт, пока ты сам нажмёшь кнопку «ВНИЗ».

Содержание

Часть 1. Тихие странности	4
Глава 1. Утро в корпусе 4Б	4
Глава 2. Пропажа кота и запах из подвала	15
Глава 3. Тени на камерах и ночь без сна	23
Глава 4. Запах шахты и разговор с дядей Витей	30
Глава 5. Следы, договор и лифт, который едет сам	37
Глава 6. Первое исчезновение	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лина Вей

Запах звериного страха

Часть 1. Тихие странности

Глава 1. Утро в корпусе 4Б

Аня Соколова проснулась раньше будильника — как всегда, за несколько минут до того, как мир начнёт требовать от неё действий. В комнате было прохладно, и воздух пах чем-то едва уловимо затхлым, будто за ночь квартира успела немного «остыть» и вернуть себе ту самую тишину, которая бывает только в ранние часы, когда весь дом ещё спит.

Сын Миша (5 лет) лежал рядом, уткнувшись носом в подушку, его ресницы чуть подрагивали — снилось что-то хорошее. Аня осторожно поправила одеяло, стараясь не разбудить его раньше времени. Ей хотелось хоть пять минут тишины, чтобы собраться с мыслями, но тишина в корпусе 4Б никогда не была настоящей. Даже сейчас, сквозь стены доносился низкий гул — будто дом дышал, прокачивая по трубам воду, шевеля проводами, перебирая лифтами.

— Мам, — тихо пробормотал Миша, не открывая глаз, — я ещё пять минут...

Аня улыбнулась. Эта фраза была их утренним ритуалом.

— Пять минут, — прошептала она, наклоняясь и целуя его в макушку. — Но потом — подъём. У нас сегодня много дел.

Через десять минут Миша уже сидел на кухне, болтая ногами и уплетая хлопья. Аня стояла у окна, держа в руках кружку остывшего кофе, и смотрела вниз, на двор, где дворник в оранжевой жилетке медленно водил метлой по асфальту, будто стирая с него следы вчерашнего дня.

— А мы пойдём через лифт? — спросил Миша, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Аня кивнула, стараясь, чтобы это движение выглядело уверенным.

— Конечно. Лифт — это быстро. Ты же не хочешь опаздывать в садик?

Миша нахмурился, будто взвешивал варианты.

— Но там лампочка мигает.

Аня на секунду замерла. Она и сама замечала это — уже несколько дней подряд, когда двери лифта разъезжались, одна из ламп под потолком дёргалась, вспыхивала и гасла, снова вспыхивала, будто пыталась что-то сказать. Но она привыкла не замечать такие вещи. В корпусе 4Б всегда что-то ломалось, мигало, скрипело. Дом был старым, и он жил своей жизнью — жизнью, к которой все давно приспособились.

— Это всегда так, — сказала она спокойно, чуть громче, чем нужно, будто убеждая не столько Мишу, сколько себя.

— Просто лампочка старая. Скоро её поменяют.

Миша не выглядел убеждённым, но кивнул, потому что знал: спорить бесполезно. Он доел хлопья, поставил миску в раковину и пошёл надевать куртку.

В коридоре пахло старым пластиком и чем-то ещё — едва уловимым, пыльным, будто воздух в подъезде годами копил в себе запахи всех жильцов, всех их тревог и радостей, и теперь этот запах стал частью дома. Аня закрыла дверь, дважды проверила, что замок щёлкнул, и повела Мишу к лифту.

На табло над дверями мерцали цифры. Лифт был на седьмом этаже, потом медленно пополз вниз. Аня старалась не смотреть на мигающую лампочку, но её взгляд всё равно цеплялся за неё — за этот нервный, дёрганный свет, который будто подчёркивал тишину, делая её громче.

Двери открылись. Внутри пахло металлом, старой резиной и чем-то сладковатым, почти приторным — так пахнет в местах, где редко бывает свежий воздух. Миша шагнул внутрь, но тут же остановился, вцепившись в руку Ани.

— Слышишь? — прошептал он, глядя в угол кабины, где тени казались чуть гуще, чем положено.

Аня прислушалась. За ровным гулом мотора, за скрипом тросов, за всеми этими привычными звуками, которые она обычно не замечала, действительно слышался ещё один звук — тонкий, резкий скрежет, будто кто-то водил ногтем по металлу. Он был едва уловим, почти растворялся в шуме, но от этого становился только страшнее.

— Это просто лифт, — сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он старый, он скрипит. Это нормально.

Миша посмотрел на неё, будто пытался понять, верит ли она сама в то, что говорит. Потом медленно кивнул и отпустил её руку. Двери закрылись, кабина дёрнулась и поехала вниз.

На третьем этаже лифт снова дёрнулся — не сильно, но достаточно, чтобы у Ани внутри всё сжалось. Лампочка мигнула, на долю секунды погрузив кабину в темноту, а когда свет вернулся, Ане показалось, что в углу, там, где сходились стены, тень стала чуть плотнее, будто кто-то стоял там, прижавшись к металлу, и слушал их дыхание.

— Мам... — снова прошептал Миша.

— Всё хорошо, — быстро сказала Аня, наклоняясь к нему и обнимая. — Мы уже почти приехали. Сейчас выйдем, пойдём в пекарню, купим тебе булочку с корицей. Хочешь?

Миша кивнул, но не так уверенно, как раньше.

Лифт остановился. Двери разъехались, и в кабину ворвался запах свежего кофе и выпечки — тёплый, уютный, почти нормальный. Аня выдохнула, будто только сейчас поняла, что задерживала дыхание.

Они вышли в вестибюль. У дверей пекарни уже толпились люди, кто-то смеялся, кто-то торопливо говорил по телефону. Обычная утренняя суeta, которая должна была смыть с них этот липкий, неприятный осадок.

Дядя Витя, консьерж, сидел на своём месте за стеклянной

перегородкой, листая журнал. Он поднял глаза, когда они проходили мимо, и слегка улыбнулся.

— Доброе утро, Аня. Как жизнь?

— Доброе, дядя Витя, — ответила Аня, стараясь улыбнуться в ответ. — Всё хорошо. Просто лифт опять капризничает.

Дядя Витя на секунду нахмурился, будто хотел что-то сказать, но потом просто махнул рукой.

— Да это он у нас такой. Старый, капризный. Я уже заявку подал, должны прийти посмотреть.

Аня кивнула, будто это всё объясняло.

— Спасибо, — сказала она, крепче сжимая руку Миши. — Пойдём, сынок. Булочка ждёт.

Они вышли на улицу, и холодный воздух тут же ударил в лицо, прогоняя остатки утреннего напряжения. Миша побежал вперёд, к витрине пекарни, где за стеклом лежали румяные булочки, блестящие от сиропа, и Аня пошла за ним, стараясь не оглядываться на тёмный проём подъезда, из которого, ей казалось, кто-то всё ещё смотрел им вслед.

Но когда она всё-таки обернулась — всего на секунду — подъезд был обычным подъездом: серые стены, тусклые лампы, дверь с облупившейся краской. И только в глубине, между этажами, мелькнула тень, слишком быстрая, чтобы быть просто игрой света.

Аня моргнула — и тень исчезла.

«Просто дом, — подумала она, снова поворачиваясь к

Мише. — Просто старый дом, который скрипит и мигает, и ничего больше».

Но скрежет в ушах всё ещё звучал — тихий, настойчивый, будто кто-то царапал металл, напоминая, что дом всё слышит.

Они вошли в пекарню, и тёплый воздух, густо пропитанный запахом корицы, ванили и свежего теста, будто обнял их, смывая остатки того липкого, неприятного чувства, которое тянулось за ними из подъезда. Миша тут же прилип носом к витрине, прижав ладошки к стеклу, и его глаза загорелись.

— Мам, смотри! С глазурью! И вот эта, с изюмом! А эта — вообще как солнышко!

Аня улыбнулась, и на секунду ей показалось, что всё действительно в порядке. Что дом — это просто дом, лифт — просто старый лифт, а скрежет — просто звук изношенных механизмов.

— Давай одну, ладно? — сказала она, стараясь говорить легко. — Ты же на завтрак хлопья ел.

Миша на секунду задумался, будто взвешивал серьёзность этого решения, потом ткнул пальцем в булочку с золотистой корочкой и блестящей сахарной глазурью.

— Вот эту. Она улыбается.

Аня рассмеялась — искренне, от души, и этот смех прозвучал в тесном пространстве пекарни как маленький щит против всего, что пряталось в тенях подъезда.

— Хорошо, эту. И кофе мне, пожалуйста, — добавила она, обращаясь к девушке за прилавком. Та кивнула, привычно потянувшись за стаканчиком, и Аня на мгновение закрыла глаза, вдыхая этот уютный, нормальный запах, который должен был перебить всё остальное.

Когда она открыла глаза, то заметила, что девушка за прилавком чуть нахмурилась, будто прислушивалась к чему-то. Потом тряхнула головой, будто отгоняя наваждение, и улыбнулась.

— Сейчас всё будет, — сказала она. — Только кофе чуть задержится: машина капризничает, шипит что-то.

Аня кивнула, но слово «капризничает» неприятно кольнуло — оно слишком хорошо подходило не только к кофемашине, но и к лифту, к дому, ко всему, что сегодня будто нарочно напоминало о себе.

Миша тем временем отошёл от витрины и теперь крутился у стойки с открытками и мелкими сувенирами — яркими, пёстрыми, с блёстками и наклейками. Он потянулся к одной из упаковок, где из-под плёнки выглядывал блестящий единорог.

— Можно? — спросил он, обернувшись к Ане. — Он тоже улыбается.

Аня хотела было сказать «не сейчас», но увидела, как в его глазах снова мелькнуло то самое напряжение — тень того страха, который он старался не показывать. И она кивнула.

— Ладно. Пусть будет единорог. Как талисман.

Девушка пробила покупки, Аня расплатилась, взяла стаканчик с кофе и пакет с булочкой и единорогом, и они снова вышли на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, но теперь он уже не казался таким резким — скорее, отрезвляющим.

Миша шёл рядом, крепко сжимая пакет, и время от времени поглядывал на него, будто убеждаясь, что единорог на месте. Аня держала его за руку — пальцы у него были тёплые, живые, и это тепло будто заземляло её, возвращало в реальность, где есть булочки, единороги и утренние хлопоты, а не скрежет в лифтовых шахтах и тени в углах.

Они свернули за угол, к переходу, который вёл к садику. Здесь, в стороне от главного входа, двор выглядел чуть тише, чуть спокойнее. Старые тополя шелестели листвой, и этот шелест был похож на шёпот, но добрый, привычный. Аня глубоко вдохнула и вдруг почувствовала, что напряжение понемногу отпускает её плечи.

И тут Миша остановился.

— Мам, — тихо сказал он, не глядя на неё, а куда-то в сторону, туда, где между мусорными контейнерами и стеной дома темнел узкий проход. — Там кто-то есть.

Аня проследила за его взглядом. Проход был тёмным, почти чёрным, и в нём действительно что-то шевельнулось — не резко, не явно, а так, будто тень просто стала гуще, плотнее, чем должна быть в это время суток.

— Это просто тень, — быстро сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — От контейнеров. Ветер шеве-

лит пакеты, вот тебе и кажется...

Но Миша не сводил глаз с этого места.

— Он смотрел, — прошептал мальчик. — Я видел.

У Ани внутри всё сжалось, но она заставила себя наклониться, посмотреть Мише прямо в глаза и улыбнуться — не натянуто, а так, чтобы он поверил.

— Знаешь, что я думаю? — сказала она тихо. — Я думаю, что этот единорог нам очень пригодится. Он волшебный. Он разгоняет все страшные тени, стоит только его достать.

Миша медленно кивнул, будто примеряя эту мысль. Потом осторожно потянул пакет, достал единорога и прижал его к себе, как щит.

— Тогда он защитит нас, — серьёзно сказал он.

— Точно, — подтвердила Аня, выпрямляясь и снова беря его за руку. — Идём. Садик ждёт. А тени пусть остаются здесь. Им с нами не по пути.

Они пошли дальше, и с каждым шагом тень в проходе будто становилась меньше, растворялась, теряла форму. Аня смотрела прямо вперёд, на жёлтое здание садика, на яркие флажки у входа, на других родителей, которые вели своих детей, и старалась дышать ровно, размеренно, как будто этим дыханием могла удержать мир на месте.

У ворот садика их встретила воспитательница — высокая женщина с добрым лицом и громким, уверенным голосом.

— Привет, Миша! — сказала она, наклоняясь к мальчику. — Как твои дела? Что у тебя тут?

Миша чуть помедлил, потом показал единорога.

— Он защищает от теней, — серьёзно объяснил он.

Воспитательница на секунду замерла, будто не зная, как реагировать, потом мягко улыбнулась и кивнула.

— Хороший план, — сказала она. — Пусть будет с тобой. А мы тут тоже никого не пустим. Договорились?

Миша кивнул, уже чуть спокойнее, и протянул ей руку.

Аня присела перед ним, поцеловала в макушку, вдохнула знакомый запах его волос — шампуня с яблоком, детского крема, чего-то своего, родного.

— Ты молодец, — прошептала она. — Будь умницей. Я скоро за тобой приду.

Миша улыбнулся — не широко, но искренне, и пошёл за воспитательницей, прижимая к себе единорога. Аня стояла у ворот, смотрела, как он исчезает в дверях, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Она развернулась и пошла обратно, к дому. И только теперь, когда Миша был в безопасности, она снова услышала этот звук — тонкий, едва уловимый скрежет, будто кто-то водил ногтем по металлу. Он доносился откуда-то сверху, из глубины корпуса 4Б, и казалось, что дом снова шептал ей: «Ты знаешь, что это не просто тени. Ты знаешь, что он неспокоен».

Аня остановилась, подняла глаза на серые окна, на тёмные проёмы балконов, на ту самую шахту лифта, которая пряталась за стеной. И впервые за это утро она не стала отмахиваться.

ваться.

«Я знаю, — подумала она. — И я не позволю этому коснуться Миши».

Она повернулась и пошла к подъезду — не потому, что хотела туда, а потому, что знала: если что-то прячется в доме, она должна узнать, где именно. Даже если для этого придётся снова зайти туда, где пахнет пылью и металлом, где мигают лампы и где тени умеют смотреть.

Двери подъезда скрипнули, когда она потянула их на себя. Внутри было темно и тихо — слишком тихо для утра, когда люди должны собираться на работу, выходить, хлопать дверями, спорить в чатах. Аня замерла на пороге, прислушиваясь.

И в этой тишине она услышала ещё один звук — низкий, тягучий, похожий на вздох. Он шёл откуда-то снизу, из глубины, из подвала, будто дом действительно дышал. И этот вздох был тяжёлым, усталым... и очень, очень старым.

Глава 2. Пропажа кота и запах из подвала

Утро после вчерашнего не принесло облегчения — наоборот, корпус 4Б будто стал плотнее, тяжелее, как будто стены за ночь слегка сдвинулись, сужая коридоры. Аня шла по этажу, прислушиваясь к привычным звукам: хлопанье дверей, детский плач за стеной, чей-то смех из приоткрытой квартиры. Но сегодня даже эти обычные звуки казались чуть искажёнными, будто дом пропускал их через себя и возвращал уже не совсем такими, как раньше.

У лифта стояла соседка с третьего этажа, Тамара Петровна — женщина с вечным пучком седых волос, в вязаной кофте даже в тёплую погоду. В руках она держала листок бумаги, дрожащими пальцами прижимала его к груди, будто боялась, что ветер вырвет из него последнюю надежду.

— Аня, ты Барсика не видела? — спросила она, едва увидев Аню. Голос у неё был надтреснутый, будто она уже много раз повторяла эту фразу и от этого он потерял силу. — Он вчера не пришёл. Я всё обыскала. У мусоропровода смотрела, под машинами... Он никогда не уходил так надолго. Он домашний, он даже на балкон боится выходить.

Аня покачала головой, чувствуя, как внутри всё сжимается — не только от чужой тревоги, но и от того, как это сло-

во — «не пришёл» — слишком хорошо ложилось на её собственные страхи.

— Нет, Тamarочка, не видела, — тихо сказала она, подходя ближе и осторожно касаясь её плеча. — Может, где-то спрятался? Бывает, коты пугаются чего-то и сидят тихо...

Тамара Петровна покачала головой.

— Он не такой. Он ласковый. Если бы ему было страшно, он бы ко мне прибежал. А тут... тишина. Я даже миску поставила у двери — он всегда на звук бежит. А вчера — ни звука.

Рядом, прислонившись к стене, стоял Денис (16 лет), тот самый подросток с четырнадцатого этажа, который вечно что-то снимал на телефон. Сейчас он не снимал — просто стоял, хмурился, смотрел на листок в руках Тамары Петровны, будто пытался прочитать между строк.

— Может, в подвал забежал? — предположил он, негромко, будто сам не хотел, чтобы эти слова прозвучали слишком громко. — Я вчера слышал, как там что-то скреблось. Сильно так. Не как крысы.

Тамара Петровна вздрогнула.

— В подвал? Да там же... там же страшно. Там темно. Барсик туда не пошёл бы. Он умный, он знает, где плохо.

Аня хотела сказать что-то успокаивающее, но слова застряли в горле, потому что в этот момент из глубины подъезда, снизу, из-под пола, донёсся запах — тяжёлый, густой, звериный. Он накатил волной, обволакивая, прилипая к ко-

же, оседая в носу. Это был не запах мусора, не запах гнили, не крысиная вонь — это был запах живого существа, большого, дикого, давно не видевшего света.

Аня невольно задержала дыхание, но было поздно — запах уже проник внутрь, стал частью её. Она посмотрела вниз, туда, где у стены темнела решётка вентиляции, и увидела, как из-под неё, будто из пасти дома, медленно выползает этот запах, смешиваясь с пылью и сыростью.

— Это что... — прошептала Тамара Петровна, прижимая листок к груди ещё крепче. — Это откуда?

В этот момент из своей будки вышел дядя Витя. Он шёл медленно, ссутулившись, будто нёс на плечах что-то тяжёлое, и лицо у него было такое, будто он уже знал, о чём сейчас пойдёт речь.

— Опять из подвала тянет, — сказал он, не глядя ни на кого, а куда-то в сторону решётки, будто разговаривал не с людьми, а с самим домом. — Я уже заявку делал. Говорят, вентиляция забита. Или крысы... Может, сдохла какая в шахте, вот и пахнет.

Денис фыркнул, но без насмешки — скорее, от напряжения.

— Да не крысы это, дядя Витя. Крысы так не пахнут. Это... крупнее.

Дядя Витя наконец посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на предупреждение.

— Не надо, парень, фантазировать, — тихо сказал он. —

Тут и без фантазий хватает.

Тамара Петровна вдруг всхлипнула, и этот звук, тихий и беспомощный, будто прорвал плотину спокойствия.

— Надо объявления расклеить, — сказала она, вытирая глаза краем кофты. — Я напечатала. Вот... тут его фото. Он рыжий, с белым пятном на груди. Такой хороший...

Аня кивнула, чувствуя, как в груди сжимается что-то острое и горячее — не только из-за чужого горя, но и из-за того, как этот запах, этот страх, эта пропажа ложились на её собственные тревоги, словно подтверждая: дом действительно что-то прячет.

— Давай я помогу, — сказала она, беря у Тамары Петровны стопку листочков. — Мы по всему подъезду расклеим. И в лифте, и у входа. Может, кто видел.

Денис молча взял несколько листов, сунул в карман.

— Я на своём этаже поклею, — буркнул он. — И... может, камеры посмотрю. Вдруг кто-то выносил что-то... или кого-то.

Тамара Петровна посмотрела на него с надеждой, такой хрупкой, что Ане стало больно.

— Спасибо, мальчик. Спасибо.

Дядя Витя кашлянул, потёр шею, будто воротник стал ему тесен.

— А я... я спущусь, гляну, — неохотно произнёс он. — В подвал. Мало ли... Может, просто дверь неплотно закрыли, вот и тянет.

Аня почувствовала, как у неё внутри всё похолодело.

— Дядя Витя, не надо вам туда одному, — быстро сказала она. — Там же... там темно. И пахнет...

Он посмотрел на неё долгим взглядом — усталым, тяжёлым, будто в нём хранилось всё, что дом успел нашептать ему за годы дежурств.

— Я тут дольше всех живу, — тихо сказал он. — И знаю эти подвалы. Если там что-то есть — я увижу. А если нет... значит, просто крысы.

Он повернулся и пошёл к двери, ведущей вниз, к подвалу. Дверь была тяжёлой, железной, с облупившейся краской и ржавыми петлями, которые скрипели, будто протестовали против каждого, кто хотел спуститься ниже уровня земли.

Аня стояла, не двигаясь, и смотрела, как он тянет на себя ручку, как дверь медленно открывается, выпуская из темноты ещё одну волну этого тяжёлого, звериного запаха. Дядя Витя на секунду замер, вдыхая, и Аня увидела, как его плечи чуть опустились — будто этот запах придавил его, заставил признать: это не крысы.

Потом он шагнул вниз, и дверь за ним закрылась с глухим, окончательным стуком.

В подъезде стало тихо. Даже лифт, который обычно дёргался и вздыхал, будто затаил дыхание. Тамара Петровна прижимала к себе оставшиеся объявления, а Денис смотрел на закрытую дверь, и в его глазах было то же самое, что и у Ани: понимание, что они стоят на пороге чего-то, что уже

нельзя будет назвать просто «странностью».

— Пойдём расклеивать, — тихо сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Надо сделать хоть что-то.

Они разошлись по этажам. Аня клеила листочки на стены, на двери лифтов, на стеклянные панели у выходов, и каждый раз, когда она прикасалась к стене, ей казалось, что дом чуть вздрагивает под её пальцами, будто ему неприятно это вторжение — эти чужие лица, эти просьбы «верните», эти надежды, которые он не собирался исполнять.

На восьмом этаже она остановилась у решётки вентиляции, не в силах удержаться. Наклонилась, принялась — и тут же пожалела. Запах ударил в нос, густой, маслянистый, с металлическим оттенком, будто где-то внизу лежало что-то большое и мёртвое, но при этом всё ещё дышащее.

Она отшатнулась, вытерла нос рукавом, но запах остался — въелся в кожу, в волосы, в саму ткань одежды. И когда она снова пошла по коридору, ей казалось, что этот запах идёт за ней, как тень, которую нельзя стряхнуть.

К полудню объявления были расклеены. В чате дома уже мелькали сообщения: «Видела листок у лифта», «Барсик? Бедный котик», «Может, в соседний двор убежал». Но среди них было и другое: «А вы тоже чувствуете запах?», «У меня кошка с утра под кровать залезла и не выходит», «В вентиляции кто-то скребётся».

Аня читала эти сообщения, и с каждым новым словом ей становилось холоднее. Она стояла у окна в своей квартире,

смотрела вниз, во двор, где всё было как обычно — машины, люди, голуби, ребёнок катался на самокате, — и пыталась убедить себя, что это просто совпадение. Что коты пропадают, запахи бывают, лифты скрипят.

Но запах не уходил. Он держался, как липкая плёнка, и когда Миша вечером вернулся из садика, он вдруг остановился у двери, втянул воздух и тихо спросил:

— Мам, а почему у нас пахнет... как в зоопарке? Только хуже.

Аня замерла, не зная, что ответить. Потом присела перед ним, взяла его за руки, постаралась улыбнуться.

— Просто в подвале что-то испортилось, — сказала она, стараясь, чтобы это звучало как обычное объяснение для обычного дня. — Рабочие скоро всё починят.

Миша посмотрел на неё долго, будто взвешивал каждое слово. Потом кивнул, но не так уверенно, как раньше.

— Ладно, — прошептал он. — Но если опять будет скрежет... я возьму единорога.

Аня обняла его крепко, прижала к себе, вдыхая запах его волос, его кожи, его детского тепла, которое было единственным, что могло хоть немного защитить от того, что пряталось внизу.

— Конечно, — прошептала она. — Единорог с нами. И мы ничего не боимся.

Но когда она уложила Мишу спать и снова подошла к окну, глядя на тёмные окна корпуса 4Б, она знала: единорог

не поможет против того, что оставляет следы на металле и дышит в темноте.

А ещё она знала, что дядя Витя до сих пор не вернулся из подвала.

Глава 3. Тени на камерах и ночь без сна

Денис сидел на краю своей кровати, прислонившись спиной к холодной стене, и пялился в экран ноутбука так, будто от того, что он будет смотреть пристальнее, картинка вдруг станет понятнее. На часах было 22:47. В квартире родители уже спали — слышно было, как отец похрапывает за стеной, а мама время от времени переворачивалась, шурша одеялом. Но Денис не мог. Его мозг крутил и крутил одну и ту же сцену: узкий коридор технического этажа, тусклый свет лампы, решётка вентиляции — и то, что мелькнуло в кадре.

Он снова отмотал запись на несколько секунд назад. Камера висела под потолком, чуть косо, захватывая угол коридора и часть решётки. Всё было неподвижно, только лампа мигала, отбрасывая дёрганые тени. И вдруг — движение. Не человек. Слишком низко, слишком быстро. Силуэт скользнул из темноты, замер у решётки, будто принюхивался, потом резко дёрнулся и исчез за углом. Всё заняло меньше двух секунд.

Денис увеличил кадр, попытался выкрутить контраст. Изображение стало зернистым, но форма осталась: низкая, сгорбленная, будто существо двигалось почти на четвереньках. Он сделал скриншот, приблизил фрагмент, где была го-

лова, и ему показалось, что он видит блеск глаз — жёлтых, узких, нечеловеческих.

«Это монтаж, — подумал он, но сам себе не поверил. — Или глюк камеры. Или... что-то, что не должно тут быть».

Он закрыл лицо руками, потом резко отнял их, будто хотел стряхнуть с себя это ощущение. Потом схватил телефон и быстро напечатал сообщение в общий чат подъезда:

«Ребята, кто-нибудь видел что-то странное на техэтаже? Вчера вечером. Около 23:00.»

Ответ пришёл почти сразу — от какой-то женщины с пятого этажа:

«Странное? Тут каждый день странно. Лифт опять сам ездил. Ты лучше про кота спроси, все про Барсика переживают.»

Денис стиснул зубы. Ему хотелось кричать: «Да не про кота! Тут что-то другое!» Но он знал, что если начнёт писать про силуэты и жёлтые глаза, его просто сочтут придурком, который снимает страшилки ради просмотров.

Тогда он открыл личные сообщения и написал Ане:

«Аня, привет. Прости, что поздно. Ты не могла бы зайти на минутку? У меня тут... кое-что есть. По камерам. Про вчерашнее.»

Он смотрел на экран, ждал, когда появятся три точки, означающие, что она печатает. Они появились почти сразу.

«Сейчас? Миша уже спит...»

«Да, если можно. Это... важно. Я думаю, ты должна уви-

деть.»

«Ладно. Пять минут. Не шуми только.»

Через семь минут в дверь тихо постучали — не громко, а так, будто боялись разбудить весь дом. Денис распахнул дверь и тут же отступил, впуская Аню. Она стояла в коридоре в толстом вязаном кардигане поверх пижамы, волосы собраны в небрежный хвост, глаза насторожённые, как у человека, который каждую секунду ждёт подвоха.

— Прости, — сразу сказал Денис, будто оправдываясь. — Но ты должна это увидеть.

Аня кивнула, прошла внутрь, села на край стула, не снимая тапочек, и посмотрела на экран.

— Что это?

— Это технический этаж. Вчера, около одиннадцати. Смотри.

Он запустил запись. Аня смотрела молча, не моргая, пока на экране не мелькнул силуэт. Когда он исчез, она вздрогнула, будто её толкнули.

— Это... монтаж? — спросила она тихо, почти шёпотом.

— Нет, — отрезал Денис. — Это с камеры управляющей компании. Я через знакомого достал. Никакой обработки.

Аня наклонилась ближе, вглядываясь в застывший кадр.

— Он будто... нюхает решётку, — прошептала она, и в её голосе было столько ужаса, что Денис на секунду пожалел, что позвал её.

— Да, — кивнул он. — И двигается не как человек. Слиш-

ком низко. Слишком быстро.

Аня покачала головой, будто пыталась сбросить с себя эту картинку.

— Может, это... животное? Собака какая-то? Или...

— Нет, — снова перебил её Денис. — Собаки так не ходят. И не замирают вот так. Это не собака.

Аня встала, отошла к окну, прижала ладони к стеклу. За окном был тёмный двор, редкие фонари, силуэты деревьев, качающиеся ветвями, как будто махали кому-то невидимому.

— Я не хочу в это верить, — сказала она, не оборачиваясь. — Мне нужно, чтобы это было монтажом. Или ошибкой. Или чем угодно, только не... этим.

Денис хотел сказать что-то успокаивающее, но не смог. Потому что сам не верил ни в одну из этих версий.

— Я покажу дяде Вите, — сказал он вместо этого. — Может, он знает, что это. Или вызовет кого-то.

Аня наконец повернулась. В её глазах была усталость — такая глубокая, что казалось, она копилась годами, а не появилась за последние два дня.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Хоть кто-то... хоть кто-то это видит.

Она вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Денис ещё посидел, глядя на застывший кадр, потом закрыл ноутбук, выключил свет и лёг, уставившись в потолок. Но сон не шёл. Дом шумел — не обычными звуками, а какими-то новыми, чужими: где-то капала вода, где-то скрипели трубы, а из вен-

тияции тянуло холодом, будто оттуда дул ветер из другого мира.

Аня вернулась в квартиру, закрыла дверь на оба замка, щёлкнула цепочкой, будто это могло удержать снаружи всё то, что пряталось в тених. В коридоре было темно, только из детской пробивался слабый свет ночника — Миша не любил полную темноту. Она прошла туда, присела на край кровати, поправила одеяло, провела ладонью по волосам сына. Он спал, прижавшись к ней, одной рукой обняв подушку, другой — потрёпанного плюшевого медвежонка. Дышал ровно, спокойно, и этот звук был единственным, что удерживало Аню от паники.

Она легла рядом, накрылась одеялом, закрыла глаза. Но перед ними тут же вставал этот кадр: низкий силуэт, замерший у решётки, будто прислушивающийся, принимающий к воздуху, к запахам, к жизни, которая текла по трубам и коридорам дома.

Время тянулось медленно. Аня считала вдохи, пыталась думать о чём-то обычном: о завтраке, о списке покупок, о том, что надо бы поменять лампочку в ванной. Но мысли скользили, возвращались к тому, что было на экране.

И вдруг она услышала это.

Скрежет. Тихий, острый, будто кто-то водил когтем по металлу. Он шёл из коридора, из-за двери, из той самой темноты, которую она так старательно отгородила замками и цепочками.

Аня замерла, боясь даже дышать. Миша рядом не шевельнулся — спал, доверчиво прижавшись к её боку.

Скрежет повторился. Ближе. Будто кто-то провёл когтями по двери, проверяя, крепко ли она закрыта.

Потом — тишина.

А потом Аня почувствовала это.

Ручка двери. Тёплая. Не просто комнатной температуры — тёплая, будто её только что сжимала чья-то рука. Или лапа.

У Ани сердце застучало так громко, что, казалось, этот звук должен был разбудить весь подъезд. Она лежала, не шевелясь, и смотрела на тёмный силуэт дверной ручки, будто ожидая, что она повернётся сама.

Но ручка не двигалась. Только оставалась тёплой, как будто хранила в себе прикосновение чего-то живого.

Минуты тянулись. Аня считала их про себя, чтобы не сойти с ума. Пять. Десять. Пятнадцать.

Скрежет больше не повторялся. Тишина стала густой, плотной, почти осязаемой. Но теперь она пугала больше, чем любой шум.

Под утро, когда за окном начало сереть, Аня наконец провалилась в короткий, тревожный сон. Ей снилось, что она идёт по коридору, а за ней по стенам бегут тени — низкие, быстрые, с жёлтыми глазами. Они смеялись — тихо, хрипло, не по-человечески.

Когда она проснулась, Миша уже сидел рядом, теребя

край одеяла.

— Мам, — прошептал он. — Я слышал.

Аня села, сердце снова заколотилось.

— Что слышал, солнышко?

Миша посмотрел на дверь, на ручку, будто знал, что там было ночью.

— Кто-то царапался, — тихо сказал он. — Но я не плакал. Я держал Топтыжку.

Аня притянула его к себе, крепко обняла, уткнулась лицом в его волосы, в этот родной, детский запах, который был единственным, что оставалось настоящим в этом доме.

— Всё хорошо, — шептала она, хотя сама не верила в эти слова. — Мы здесь. Мы вместе. И никто нас не тронет.

Но когда она отпустила Мишу и встала, чтобы пойти на кухню, то снова посмотрела на дверную ручку.

Та была уже холодной.

Как будто ничего и не было.

Только в голове у Ани всё ещё звучал этот скрежет — тихий, настойчивый, будто дом шептал ей: «Я здесь. Я рядом. И я жду».

Глава 4. Запах шахты и разговор с дядей Витей

Утро началось с того, что лифт снова не работал. На табло над дверями мигала красная надпись: «Ошибка 14». Аня стояла перед закрытыми створками, прижимая к себе Мишу, и чувствовала, как внутри поднимается волна раздражения, смешанного с чем-то более тёмным — с тем самым липким страхом, который за последние дни стал почти привычным.

— Опять? — тихо пробормотал Миша, глядя на двери, будто они его лично обидели. — А мы быстро поедем?

— Сегодня пешком, — сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Зато посмотрим, сколько ступенек до первого этажа. Спорим, ты сосчитаешь?

Миша кивнул, но без особого энтузиазма. Он уже не просил «ещё пять минут» — теперь каждое утро было похоже на подготовку к маленькой битве.

Они спустились по лестнице, и на каждом пролёте Ане казалось, что воздух становится тяжелее, плотнее. На шестом этаже она остановилась, чтобы поправить Мише шарф, и вдруг почувствовала этот — запах. Он накатиł волной, густой, тяжёлый, будто выплыл из-под пола, из щелей между плитками, из самой сердцевины дома.

Пыль. Металл. И что-то сырое, живое, давно не видевшее

света.

Аня невольно задержала дыхание, но было поздно — запах уже въелся в одежду, в волосы, в кожу. Он был не таким, как вчера у решётки вентиляции. Этот был глубже, будто пришёл из самого нутра дома — из шахты лифта, из подвала, из тех мест, куда никто не хотел спускаться.

В вестибюле было шумно: несколько жильцов стояли у лифта, кто-то ругался в телефон, кто-то стучал по панели вызова, будто это могло что-то исправить. У своей будки, ссутулившись, сидел дядя Витя. Лицо у него было серое, будто он не спал всю ночь, а руки, когда он потянулся за кружкой с чаем, слегка дрожали.

— Дядя Витя, — подошла к нему Аня, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось. — Опять лифт. Что случилось?

Дядя Витя поднял на неё глаза. В них была усталость — такая глубокая, что Ане стало не по себе. Он будто знал что-то, чего не должен был знать, и это знание его медленно убивало.

— Шахта, — коротко ответил он, отводя взгляд. — Надо смотреть. Я уже заявку отправил, но... сами понимаете. Пока приедут, пока разберутся...

— А вы... вы сами туда пойдёте? — спросила Аня, и сама удивилась, как тихо прозвучал её голос, будто она боялась спугнуть этот момент, когда дядя Витя мог сказать что-то важное.

Он помолчал, будто взвешивал каждое слово. Потом медленно кивнул.

— Пойду. Я тут дольше всех. Знаю эти шахты. Если там просто трос перетёрся — я увижу. А если... — он оборвал себя, не договорив.

Миша потянул Аню за рукав.

— Мам, а можно я тут посижу? С дядей Витей? А то в шахте страшно.

Дядя Витя слабо улыбнулся — впервые за утро.

— Посиди, сынок. Я тебе про старые лифты расскажу. Как они раньше работали, без компьютеров всяких.

Аня кивнула, чувствуя, как в груди сжимается что-то горячее и острое — благодарность и страх одновременно.

— Спасибо, — прошептала она. — Я... я тут подожду. Если можно.

Дядя Витя снова кивнул, потом встал, надел старую куртку с нашивками, взял фонарик и тяжёлый ключ на большом кольце.

— Не стойте тут, — сказал он, уже подходя к двери, ведущей к шахте. — Если что — отойдите к выходу. Там... там воздух плохой бывает.

Дверь за ним закрылась с глухим, тяжёлым стуком, будто отрезала вестибюль от чего-то, что не должно было проникать в мир обычных людей.

Минуты тянулись медленно. Аня сидела на низкой скамейке рядом с Мишей, листала что-то в телефоне, но не ви-

дела ни слов, ни картинок. Её мысли крутились вокруг одного: что он там найдёт? Что прячется в этой шахте, что оставляет запах, который не выветривается, будто въедается в стены, в пол, в самую суть дома?

Прошло почти сорок минут. Дверь наконец распахнулась, и дядя Витя вышел.

Он был бледным — не просто уставшим, а будто из него выкачали все краски. Волосы прилипли ко лбу, куртка была в пыли и какой-то тёмной, маслянистой грязи. Руки дрожали так сильно, что он едва смог повесить ключ на крючок.

— Ну что? — тихо спросила Аня, вставая. — Что там?

Дядя Витя посмотрел на неё, и в его глазах было что-то такое, от чего у неё похолодели пальцы.

— Там... — начал он, потом замолчал, сглотнул, будто во рту было сухо, как в пустыне. — Там не просто трос. Там... будто кто-то был.

— Кто? — прошептала Аня, хотя уже знала, что не хочет слышать ответ.

Дядя Витя медленно опустился на стул, будто ноги его больше не держали.

— Не знаю, — тихо сказал он. — Но следы... на металле. Когти. Глубокие. Будто кто-то проверял, насколько легко сорвать панель. И запах... — он замолчал, прикрыл глаза, будто пытался стереть из памяти то, что там увидел.

Запах действительно был. Он шёл от дяди Вити, от его куртки, от волос, от кожи — тяжёлый, сырой, звериный. Он

смешивался с пылью и металлом, и от этого становился ещё страшнее, потому что теперь он был не где-то там, в шахте, а здесь, в вестибюле, среди людей, среди обычной жизни.

Жильцы начали расходиться, кто-то всё ещё ворчал про лифт, кто-то уже забыл про него, погрузившись в свои дела. Но Аня не могла забыть. Она стояла, смотрела на дядю Витю и чувствовала, что если сейчас не спросит, то этот вопрос будет грызть её до конца дней.

— Расскажите, — тихо сказала она. — Пожалуйста. Что вы знаете про этот дом? Про подвал? Про... всё это.

Дядя Витя долго молчал. Он смотрел куда-то мимо Ани, будто видел не вестибюль, не лифт, не людей, а что-то другое — что-то из прошлого. Потом медленно поднял на неё глаза.

— Тут раньше держали зверей, — тихо сказал он. — Нелегально. В подвале. Передержка, питомник — не знаю, как правильно. Экзотических. Тех, кого нельзя дома держать. Гиен, шакалов... кого-то ещё. Я тогда только пришёл работать. Видел, как их выводили по ночам, в фургонах. Тихо, чтобы никто не слышал.

Аня сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— И что с ними стало?

Дядя Витя горько усмехнулся — без веселья, только с горечью и усталостью.

— Закрыли. Официально — всех вывезли. Неофициально... кто знает. Некоторые говорили, что часть пропала.

Просто исчезла. А дом... — он снова замолчал, потом тихо закончил: — Дом всё помнит. Он впитывает всё: крики, шаги, запахи. И если что-то осталось внизу... дом его хранит.

Миша, который всё это время сидел тихо, вдруг потянул дядю Витю за рукав.

— А они злые? — серьёзно спросил он. — Те звери?

Дядя Витя наклонился к нему, положил большую, грубую руку ему на плечо.

— Бывает, что зверь становится злым не потому, что он такой родился, — тихо сказал он. — А потому, что ему было страшно. И одиноко. И он забыл, как быть добрым.

Миша задумался, будто примерял эти слова к чему-то своему. Потом кивнул.

— Тогда надо их найти, — сказал он. — И сказать, что тут не страшно. Что мы не будем кричать.

Аня хотела улыбнуться, хотела сказать, что это хорошая мысль, но улыбка не получилась. Потому что она знала: эти звери не хотят, чтобы им говорили, что тут не страшно. Они хотят, чтобы дом оставался их убежищем. Их лабиринтом. Их тишиной.

Дядя Витя посмотрел на Аню, будто прочитал её мысли.

— Держитесь подальше от шахты, — тихо сказал он. — И от подвала. Пока я... пока мы не поймём, что там.

Аня кивнула, хотя уже знала: она не сможет держаться подальше. Потому что Миша был здесь. Потому что запах был здесь. И потому что дом, который всё помнил, теперь смот-

рел на неё из каждой тени, из каждой щели, из каждого тёмного угла — и ждал, когда она сделает шаг вниз.

Глава 5. Следы, договор и лифт, который едет сам

День тянулся медленно, будто дом нарочно растягивал время, чтобы каждая минута казалась тяжелее предыдущей. Аня старалась вести себя как обычно: приготовила завтрак, помогла Мише завязать шнурки, проверила рюкзак, будто от этих привычных действий зависело, останется ли мир нормальным. Но каждый раз, когда она проходила мимо двери, ей казалось, что ручка чуть тёплая — как будто кто-то только что её трогал.

Миша был непривычно тихим. Он не просил «ещё пять минут», не спорил насчёт шапки, не тянул время. Он просто делал всё, что ему говорили, и время от времени оглядывался через плечо, будто ждал, что из темноты коридора кто-то выйдет.

— Всё хорошо, — шепнула Аня, наклоняясь, чтобы поправить ему шарф. — Сегодня мы будем держаться поближе друг к другу, ладно?

Миша кивнул, но не улыбнулся.

В подъезде пахло по-прежнему — пылью, металлом, чем-то сырым, что не выветривалось, сколько ни открывай окна. На восьмом этаже, у мусоропровода, стояла группа жильцов: Тамара Петровна, женщина с пятого этажа, которую все зва-

ли просто «тётя Лена», и ещё пара человек, чьи лица Аня знала, но имён не помнила. Они смотрели на пол, на что-то, лежащее у стены.

Аня подошла ближе, чувствуя, как внутри всё сжимается.

На грязноватом линолеуме темнели отпечатки. Не человеческие. Не собачьи. Форма была странной: вытянутая, с чёткими углублениями там, где должны быть когти. Следы вели от угла, где сходились два коридора, к мусоропроводу — и обрывались. Будто существо просто растворилось в металле.

Рядом, присев на корточки, был Денис. В руках у него был телефон, он делал фото с разных ракурсов: крупным планом, общий план, следы рядом с плинтусом, чтобы был понятен масштаб.

— Ты это видишь? — спросил он, не поднимая глаз, обращаясь скорее к полу, чем к людям вокруг. — Это не собака. И не кошка.

Тамара Петровна перекрестилась.

— Господи... А вдруг это... тот, кто Барсика утащил?

Тётя Лена фыркнула, но в этом звуке было больше страха, чем насмешки.

— Да брось. Это кто-то ботинки странные надел. Или... не знаю. Может, резина так отпечаталась.

Денис резко поднял голову.

— Посмотрите на когти, — сказал он, голос у него дрожал, но он старался говорить твёрдо. — Это настоящие ког-

ти. Глубокие. Будто он давил.

Он встал, отошёл на пару шагов, сделал ещё один снимок, потом быстро открыл чат дома и начал выкладывать фото. Под каждым кадром он писал короткие подписи: «8 этаж, у мусоропровода», «Следы не человеческие», «Ведут к мусоропроводу и обрываются».

Аня присела рядом с Мишей, который стоял чуть в стороне, прижимая к себе плюшевого мишку.

— Мам, — тихо сказал он. — А вдруг это тень с когтями?

Аня обняла его, прижала к себе, вдыхая запах детского шампуня, пытаясь удержать в руках эту маленькую, хрупкую нормальность.

— Нет, солнышко, — прошептала она. — Это просто... следы. Рабочие что-то таскали. Или... я не знаю. Но мы в безопасности.

Но даже ей самой эти слова звучали пусто.

Денис вдруг замер, глядя на мусоропровод. Потом медленно подошёл, потянул на себя тяжёлую металлическую дверцу. Та скрипнула, будто протестовала. Внутри было темно, пахло гнилью, старыми коробками и чем-то кислым. Денис посветил туда фонариком с телефона.

— Эй, там что-то есть, — пробормотал он.

Он протянул руку, пошарил среди смятых пакетов и коробок, и вытащил обрывок бумаги — пожелтевший, потрёпанный, с рваными краями. На нём были строчки, напечатанные на старой машинке, и печать, от которой остался только

тёмный круг.

Денис поднёс листок к свету, прищурился, читая.

— «Договор аренды подвального помещения... содержание экзотических животных... ответственность за сохранность...», — тихо прочитал он. — Остальное оторвано.

У Ани внутри всё похолодело.

— Откуда это? — прошептала она, хотя уже знала ответ.

— Из мусоропровода, — Денис посмотрел на неё, и в его глазах была смесь ужаса и триумфа — будто он нашёл доказательство того, чего никто не хотел видеть. — Кто-то выкинул. Или пытался спрятать.

Тётя Лена покачала головой.

— Да это старьё какое-то. Тут дом сто лет стоит, тут чего только не выкидывали.

Но Тамара Петровна смотрела на обрывок так, будто это была улика в деле о похищении её кота.

— Надо показать дяде Вите, — сказала она. — Он всё знает.

Денис кивнул, сунул обрывок в карман куртки.

— Я сам покажу. И... я ещё посмотрю. Может, там ещё что-то есть.

Он снова наклонился к мусоропроводу, посветил внутрь, будто надеялся увидеть там не только мусор, но и ответы.

К вечеру запах в подъезде стал ещё гуще. Он будто оседал на волосах, на одежде, проникал под кожу. Аня старалась не думать о нём, старалась думать о простых вещах: ужин,

мультик, сказка на ночь. Но каждый звук в квартире казался ей громче, чем должен быть: скрип стула, шорох пакета, тихий вздох Миши, когда он устраивался на диване.

Они сидели и смотрели мультфильм, но Аня почти не видела картинки. Её взгляд то и дело скользил к двери, к ручке, к тёмному коридору, который начинался сразу за порогом комнаты. Ей казалось, что дом прислушивается к ним — к их дыханию, к их голосам, к их попыткам притвориться, что всё в порядке.

Когда на экране пошли титры, Миша зевнул.

— Пора спать, — тихо сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты устал.

Миша кивнул, сполз с дивана, взял Топтыжку и пошёл в комнату. Аня выключила телевизор, погасила свет в гостиной, оставив только тусклый ночник в коридоре.

И в этой тишине она услышала это.

Дзынь.

Тихий, металлический звук — как будто где-то далеко нажали кнопку лифта.

Потом ещё раз.

Дзынь.

Лифт.

Аня замерла, прислушиваясь. В подъезде было тихо — слишком тихо для вечера, когда люди возвращаются с работы, хлопают дверями, разговаривают по телефону. И в этой тишине лифт будто жил своей жизнью.

Она подошла к входной двери, приложила ухо к холодному металлу. И снова: дзынь. Лифт сам вызвал себя на этаж. Потом ещё раз — на другой. Двери открывались и закрывались, щёлкали, вздыхали.

«Это сбой, — подумала Аня, крепко сжимая кулаки. — Просто сбой. Старая проводка, старые контакты. Ничего больше».

Но когда она вернулась в комнату, где Миша уже лежал под одеялом, она поняла, что не сможет просто сидеть и ждать.

— Пойдём, — тихо сказала она, наклоняясь к нему. — Прогуляемся до окна. Посмотрим, что там.

Миша сонно моргнул, но кивнул. Он доверял ей, даже когда не понимал, зачем посреди ночи идти смотреть на лифт.

Они вышли в коридор. Там было темно, только тусклый свет от аварийных ламп выхватывал куски стен, углы, решётки вентиляции. Пахло пылью и страхом — запахом, который теперь был таким же привычным, как запах кофе по утрам.

Лифт снова дзынькнул. Двери разъехались на их этаже. Внутри было темно — не просто выключен свет, а будто тьма была гуще, плотнее, чем положено.

— Не смотри, — быстро сказала Аня, прикрывая Мише глаза ладонью. — Это просто лифт сломался.

Но Миша уже увидел. Он замер, прижавшись к ней, и прошептал:

— Там кто-то есть.

Двери начали закрываться. В последний момент из темноты мелькнула тень — низкая, быстрая. И в тишине, которая повисла после того, как двери сошлись, Аня услышала шёпот.

Не слова. Просто звук. Но она узнала его.

Будто кто-то тихо, очень тихо произнёс имя её сына.

Миша вздрогнул, вцепился в её руку.

— Мама...

— Тише, — прошептала Аня, обнимая его, прижимая к себе так крепко, что он, наверное, даже не мог дышать. — Мы здесь. Мы вместе.

Лифт дзынькнул снова — уже на другом этаже. Потом ещё раз. Он ездил по этажам, сам себя вызывал, открывал двери в темноту, будто искал кого-то. Или приглашал.

Аня повела Мишу обратно в квартиру, закрыла дверь на все замки, накинула цепочку, будто это могло удержать снаружи то, что шептало в тишине подъезда.

Миша уже почти спал, уткнувшись ей в плечо. Его дыхание было ровным, спокойным, и этот звук был единственным, что удерживало Аню от крика.

Она сидела на полу, спиной к двери, и слушала, как лифт продолжает свой бесконечный путь по этажам. Дзынь. Двери открываются. Дзынь. Закрываются. И в паузах между этими звуками ей снова слышался шёпот — тихий, настойчивый, будто кто-то звал её сына по имени, проверяя, здесь ли он.

«Мы не будем пользоваться лифтом, — твёрдо подумала

она. — Завтра — только лестница. Сколько бы этажей ни было. Сколько бы времени это ни заняло».

Но она знала: лифт не оставит их в покое. Он стал частью дома — а дом теперь хотел, чтобы они его слышали. Чтобы они знали: он не сломан. Он просто... проснулся.

Глава 6. Первое исчезновение

Утро началось с мяуканья — не обычного, когда кошка просит есть или хочет, чтобы ей открыли дверь, а с того самого, от которого стынет кровь в жилах: протяжного, надрывного, будто животное уже поняло что-то такое, чего люди ещё не хотели признавать.

Аня как раз застёгивала Мише куртку, когда этот звук прорвался сквозь привычную утреннюю суету — сквозь шум воды в ванной, сквозь тихий гул холодильника, сквозь её собственные попытки убедить себя, что сегодня всё будет нормально.

— Мам, — сказал Миша, поднимая на неё глаза, в которых снова мелькнул тот самый настороженный блеск, — это кто плачет?

— Кошка, — ответила Аня, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Наверное, хозяйка её не покормила. Сейчас мы пройдем мимо, посмотрим.

Но когда они вышли в коридор, Аня сразу поняла: это не обычное мяуканье. И не обычная ситуация.

У двери квартиры на десятом этаже — той самой, где жила пожилая соседка, Лидия Степановна, женщина с тихим голосом и вечным запахом ванильных духов — сидела кошка. Серая, пушистая, с тёмными полосками, она металась у порога, царапала дверь, снова и снова бросалась на неё, буд-

то пыталась пробиться сквозь дерево, металл и тишину, которая стояла за этой дверью.

— Лидия Степановна! — позвала Аня, подходя ближе и чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, холодный узел. — Лидия Степановна, вы дома?

Кошка метнулась к ней, прижалась к ногам, замаякала ещё громче, почти закричала. Аня присела, провела ладонью по её шерсти — та была взъерошенной, горячей, будто кошка бегала без остановки всю ночь.

— Тихо, тихо, — прошептала Аня, хотя сама едва сдерживала дрожь. — Где твоя хозяйка?

Миша присел рядом, осторожно протянул руку, погладил кошку между ушами.

— Она грустная, — тихо сказал он. — Ей страшно.

Аня кивнула, не в силах ничего ответить.

Из соседней квартиры выглянула тётя Лена, накинув поверх халата старую кофту.

— Что тут? — спросила она, щурясь, будто не хотела видеть то, что происходило прямо перед её глазами. — Опять лифт не работает?

— Лидия Степановна не открывает, — сказала Аня, выпрямляясь. — А кошка... она как будто зовёт на помощь.

Тётя Лена нахмурилась, подошла ближе, постучала в дверь — сначала спокойно, потом сильнее.

— Лидия Степановна! Вы там? Всё в порядке?

Тишина.

Только кошка снова метнулась к двери, царапнула её, жалобно мяукнула.

— Надо в чат написать, — пробормотала тётя Лена, доставая телефон. — Или сразу в управляющую. Мало ли... вдруг ей плохо.

Аня кивнула, но уже знала: если бы Лидии Степановне стало плохо, она бы как-то дала о себе знать. Если бы упала — задела бы что-то, уронила чашку, стул... В квартире было тихо — не просто тихо, а мертво тихо. И в этой тишине особенно громко звучал запах.

Пыль. Металл. И звериный мускус — густой, тяжёлый, тот самый, который уже несколько дней будто пропитывал стены корпуса 4Б. Он стоял в коридоре, лип к коже, оседал в горле.

Аня задержала дыхание, но было поздно — запах уже проник внутрь, стал частью этого утра, частью этого страха.

Через полчаса в подъезде было уже не протолкнуться. Кто-то вызвал участкового, кто-то — представителя управляющей компании. Пришёл дядя Витя, бледный, с тёмными кругами под глазами, будто он и не ложился вовсе.

— Я её вчера видел, — тихо сказал он, стоя у стены и глядя на дверь, как будто ждал, что она вот-вот откроется и Лидия Степановна выйдет, улыбнётся и скажет, что всё в порядке. — Вечером. Она шла с пакетами. Говорила, что пирог испекла. Хотела мне кусочек принести.

Денис стоял чуть в стороне, снимал всё на телефон — не для соцсетей, а будто хотел зафиксировать, сохранить, чтобы

потом, когда всё закончится, можно было вернуться к этим кадрам и понять, в какой момент всё пошло не так.

Приехал участковый — молодой парень с усталыми глазами и аккуратной папкой в руках. Он постучал, проверил глазок, потом достал рацию и начал говорить короткими, сухими фразами.

Через сорок минут приехала бригада, вскрыли дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.